

Анна Чернова

Анна Каренина

Путь к себе
ИЗМЕНА

Анна Чернова

Измена. Путь к себе

<https://litres.ru/74485647>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Давай, детка, порадуй меня, как ты можешь, – хрипит мужчина, а у меня кровь стынет от его голоса.

Стать невольной свидетельницей чужого интима – неловко.

Узнать в участниках своих родным и любимым – подобно смерти.

Мне вонзили нож в спину дважды: муж и младшая сестра.

И это еще не все страшные открытия...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	35
Глава 7	41
Глава 8	46
Г	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Анна Чернова

Измена. Путь к себе

Глава 1

Аплодисменты стихают, а я, наконец, могу выдохнуть и уйти со сцены, да и вообще скрыться от пары сотен глаз сотрудников, партнеров, членов семьи и обслуживающего персонала. Мне нужна минутка, чтобы перевести дух и изгнать какофонию звуков праздничного банкета из своей головы.

Мы сделали невероятное - дожали Селиверстова и заполучили контракт с ним. А ведь год назад мы с Сашей считали, что это невозможно.

Мы - большие молодцы!

Выхожу в коридор, опускаюсь на банкетку и снимаю туфли. Ноги гудят. За последний год я немного прибавила в весе, и мои любимые лодочки на шпильке сегодня оказались настоящим испытанием. Кажется, я стерла пятки до крови. С наслаждением ставлю горящие ступни на прохладный мрамор пола, а через секунду шагаю босиком к двери на террасу.

Здесь звон бокалов, музыка и возбужденные голоса почти не слышны, зато трели цикад и сонное щебетание ночных птиц как раз. Опираюсь на перила и смотрю на сад.

Нужно найти Сашку и предложить ему сбежать на выходные без детей в тот уютный отельчик в лесу. Отметим наш успех вдвоем.

Улыбаюсь сама себе и хочу уже уйти, но вдруг слышу сдавленный смешок, а потом женский стон прямо под террасой.

— Прямо здесь? – шепчет женщина.

— Давай, детка, порадуй меня, как ты можешь, – хрипит мужчина, а у меня кровь стынет от его голоса.

— Давай хотя бы на траву, а то коленям больно. Ненасытный, – сдавленно смеется женщина, и мое сердце второй раз за минуту забывает забиться. Я наконец-то узнаю этот голос – это моя сестра!

Звук молнии, а потом отвратительный чавкающий звук.

Закрываю уши руками, чтобы не слышать, но хриплый стон мужа проникает прямо в мозг.

Зачем я здесь стою? Нужно бежать? Прятаться? Что угодно делать, а не стоять каменным изваянием, подслушивая случку своего мужа.

— Иди ко мне, прогнись, – следует новый приказ от Саши.

— Мой самец! Как ты соскучился, – смеется моя сестра хриплым и довольным смехом.

— Соскучился... По тебе... сучка моя... ненасытная... – звук быющихся друг о друга тел молотком стучит по темечку.

Отвратительно, грязно, животнов, тошнотворно.

Последние охи, стоны, шуршание одежды и их удаляющиеся шаги...

Выхожу из ступора и еле успеваю добежать до урны, как меня выворачивает.

Без сил опускаюсь на холодный плиточный пол и приваливаюсь спиной к кирпичной стене.

Горькая реальность обрушивается на меня, как лавина в горах: не признавать невозможно и сбежать шансов почти ноль.

Мой муж изменяет с моей младшей сестрой...

Как? Почему? За что?...

Дурацкие вопросы, на которые особо и ответы не нужны. Зачем только женщины мучают себя этими бесконечными "почему"?..

Боже, почему это произошло именно со мной?!

Вот правда - за что???

Я и сама не могу остановиться с этими тупыми вопросами к немой Вселенной.

Кое-как сгребая себя в кучу, встаю и иду внутрь с четким намерением уехать прямо сейчас же. В голове проносится список вещей на первое время для себя и двоих младших детей. Вера у меня уже взрослая и самостоятельная, учится в универе и снимает квартиру напололам с подругой.

Погодки Никита и Варя еще в начальной школе, им нужна мама рядом, и естественно, я их не оставляю с Сашей.

Я все еще босиком, поэтому надеюсь ускользнуть мимо гостей незамеченной, но почти у выхода меня окрикивает помощница:

— Светлана Витальевна! Там Селиверстов вас ищет, хочет речь толкнуть и чтоб вы рядом стояли!

По щекам Вероники разливается нервный румянец, а руки чуть подрагивают.

— Найди Александра Васильевича, пусть он поддержит выступление.

— Селиверстов только вас хочет, вы же знаете, какой несговорчивый, – в голосе помощницы чуть ли не мольба. И я ее понимаю. От Селиверстова зависит и ее повышение тоже, и она совсем не хочет его терять.

— Дай мне пять минут и передай Игорю Сергеевичу, что я сейчас приду.

Вероника с облегчением на лице убегает, а я спешу в дамскую комнату.

Запираюсь в просторной кабинке и смотрюсь в зеркало. Видок так себе. Под глазами размазалась тушь, а помаду я растерла по лицу, когда вытирала следы тошноты.

Салфетками убираю следы слабости, приглаживаю темные волосы, возвращая их в прямое каре до плеч. Немного подумав, заправляю волосы за уши, выставя на обозрение массивные серьги с крупными камнями. Пусть лучше сверкающие бриллианты привлекают внимание и взгляды, чем мои несчастные глаза.

Делаю вдох, задерживаю дыхание на выдохе и выхожу с твердым намерением доиграть сегодняшнюю часть спектакля под названием “Счастливая жена лучшего мужа”, а потом

задернуть кулисы и сжечь сценарий.

Только вот выйдя из кабинки я натыкаюсь на голубые глаза Василисы.

— Светка, ты просто обворожительна в этом платье, — воркует сестра, распахивая свои объятия для меня.

Только теперь в этих глазах, которые я всегда считала ангельскими, отчетливо вижу фальшь и плохо скрываемое торжество.

— Я кажется вирус подхватила, поэтому без объятий, — холодно произношу я и отклоняюсь от женщины, от которой разит чужим мужем.

Не знаю, каким чудом мне удастся не кинуться на предательницу и не выцарапать ее лживые глаза. Видимо, детская установка, что я старшая и Васечку защищать должна, работает до сих пор.

Возле невысокой сцены я вижу Селиверстова, который расплывается в любезнейшей улыбке.

— Светлана Витальевна, должен признать, я был слепым идиотом, когда так долго отмахивался от вашего проекта! Вы просто отмыли песок до золота! Признаюсь, что в том, что мы заключили партнерское соглашение, заслуга на 100% ваша! И я требую, чтобы курировали проект именно вы!

— Игорь Сергеевич, этот проект — результат работы всей нашей компании. Александр Васильевич внес в него ничуть не меньше меня, а то и больше. И в технической стороне во-

проса он гораздо более компетентен, чем я, — стараюсь охладить пыл Селиверстова, но тот энергично трясет головой.

— Если бы вас не было в компании, моих денег они бы не получили! — отрезает он. — Кстати, мои юристы отправили изменения к договору — куратором должны быть вы или сделка отменяется.

Едва не закусываю губу от досады, но давя порыв и изображаю вежливую улыбку.

— Игорь Сергеевич, сегодня такой замечательный праздник, давайте просто насладимся вечером, а дела оставим на рабочий день, — предлагаю я и делаю знак официанту, чтобы тот поднес напитки. — Вы, кажется, хотели произнести речь?

— Да-да! Идемте со мной, — Селиверстов подает руку, и мне приходится следовать за ним.

Глава 2

Пока Игорь Сергеевич соловьем заливается в микрофон, я ищу среди гостей мужа, мысленно молясь, чтобы его там не было. Но мои мольбы остаются неслышанными. Саша ловит мой взгляд, улыбается и салютует бокалом. Красивый, успешный, довольный.

У него вид человека, у которого жизнь удалась. А ведь действительно, чего еще желать? Дома - идеальная хозяйка и сытые, чистые дети, порядок в бизнесе и любовница под боком.

Боже! До меня только доходит!

Василиса частенько остается у нас ночевать, потому что из нашего дома ей ближе к ее салону красоты, в котором она каждое утро делает макияж и укладку перед работой. А что если?..

Нет! Даже думать об этом не хочу!

Но упрямая мысль все равно сверлит мозг, а я, как последняя мазохистка, позволяю ей распространяться дальше.

Что если они трахались в нашем доме, пока я спала???

Я в таком шоке от открытия, что даже дышать перестаю. Чувствую на себе взгляд Селиверстова и машинально что-то отвечаю на его вопрос.

Перевожу взгляд на Сашу и понимаю, что он уловил мое

шоковое состояние, потому что в его глазах вопрос.

Селиверстов заканчивает свою речь, я жму ему руку и спешу убраться со сцены.

В гардеробе забираю плащ, накидываю на ходу, практически на бегу к выходу. Кажется, меня снова окликают Вероника, но я делаю вид, что не слышу, толкаю тяжелую дверь, не дожидаясь швейцара, и ныряю в салон такси, которое высадило кого-то и собиралось уезжать.

— У меня другой заказ, — недовольно сообщает бородастый дядька.

— Плачу тройной тариф, езжайте! — в панике достаю из сумочки розовую купюру и кидаю водиле, заметив, что из ресторана вышел Саша.

Деньги творят чудеса. Водитель газует и срывается с места.

— Убила что ли кого? — хмыкает таксист.

— Еще нет, — зыркаю на него так, что он замолкает.

— Куда едем?

— На Мясницкую, бар “Стэллa”, — выдает мой рот, пока разум занят очередными “почему”.

Мобильник оживает звонком. Вижу, что звонит Саша, и не беру трубку. Вместо этого пишу сообщение помощнице по дому, которая заодно присматривает за детьми иногда, когда мы с Сашей вынуждены оба быть на мероприятиях. Убедившись, что с погодками все нормально, покидаю такси

и вхожу в заведение для респектабельных дам.

Так назвала это кафе-бар, где подают вино и сыры с отечественных сыроварен и виноделен, моя подруга Наташа. Она всегда говорит, что это первое место, куда должна идти женщина бальзаковского возраста с разбитым сердцем.

В прохладном зале полумрак, играет негромкая приятная музыка. Хостесс провожает меня за единственный свободный микроскопический столик в углу и подает карточку с меню.

Скольжу по словам с неизвестным значением и не понимаю, что мне заказывать. В вине я не разбираюсь, да и не люблю его особо, заказывал всегда Саша, а я соглашалась.

У нас был идеальный союз – он генерировал идеи, иногда слишком безумные, а я находила варианты, как помочь им реализоваться. Саша был громким, остроумным, обворожительным, а я - тихой, незаметной, не создающей проблем, понимающей.

Он - стратег, а я тактик. Он - полководец, а я – его войско...

Только сегодня войско решило поднять бунт против полководцы, который на деле оказался вероломным предателем.

— Извините, вы не против, если за ваш столик я посажу еще одну посетительницу? Просто вы одна, а столик на двоих, и других мест нет, – уточняет хостес с любезной улыбкой.

Она указывает рукой на молодую женщину у входа, а та широко улыбается и машет мне, а потом вдруг складывает

руки ладонями друг к другу в умоляющем жесте.

Не могу не улыбнуться в ответ.

— Конечно, сажайте, – даю разрешение.

— Спасибо огромное! – с видимым облегчением выдыхает женщина, плюхаясь на мягкий стул напротив меня. – Денек просто отстойный! И если я сейчас же не выпью бокал Шардоне, он станет еще ужасней!

— По-моему мне тоже нужен бокал этого самого, – хмыкаю я. – Или даже два...

— Лучше два, – кивает женщина, – Марина.

— Света, – тяну ей руку и получаю крепкое теплое рукопожатие.

— Дамы, выбрали, что будете пить сегодня? – интересуется официант с бейджиком “Анастас”.

— Бутылку Шардоне Акация 2021 года, пожалуйста, и к нему крекеры с рикоттой с травами и брускетты с крем-чи-зом и базиликом, – заказывает моя неожиданная компаньонка.

— Прекрасный выбор, – хвалит Анастас и удаляется, сверкнув темными глазами.

— Вылитый Дионис, – хмыкает Марина, провожая взглядом крепкую задницу официанта.

— Вы - знаток вина? – интересуюсь я.

— Нет, просто запомнила, что муж заказывал, и повторила с умным видом, – хихикает она и вдруг мрачнеет. – Будущий бывший муж...

— Как это? – не врубаясь я.

— Разводиться буду, – вздыхает Марина. – Поймала его со студенткой. Диссертацию она у него писала.

— А я тоже сегодня узнала, что муж спит с другой, – признаюсь я. А официант в этот момент приносит заказ и разливает вино по бокалам.

— Анастас, вы как нельзя вовремя, – с очаровательной хрипотцой выдает Марина и бросает на парня такой взгляд, что тот по-моему даже тихонько икает.

— Я всегда к вашим услугам, – хрипит парень, расстилая у нее на коленях белоснежную салфетку.

Я спешу быстренько расправить свою салфетку самостоятельно. Хотя муж и изменяет мне, к лапанию официанта я не готова.

— Выпьем за новую свободную жизнь без лжецов! – произносит Марина, когда официант отходит.

— Аминь! – чокаюсь бокалом и залпом выпиваю.

— Ого! Помедленнее! Это ж не водка, а Шардоне! – моя соседка по столику округляет карие глаза с роскошными длинными ресницами, а пухлые губки принимают форму буквы “О”.

— Прости! Я не спец по винам, да и вообще по алкоголю. Просто так гадко на душе, что аж вот здесь болит, – дотрагиваюсь рукой до груди, где под кожей и правда все пульсирует от боли.

— Тогда сразу по второму! Наркоз и реанимация, – она

опустошает свой бокал и наливает нам новую порцию.

— Представляешь, он с сестрой моей спит, – слетает с моих губ признание.

— Ничего себе! Это трэш какой-то! – охает Марина.

— Никогда не думала, что со мной такое случится. Мы девятнадцать лет вместе. Трое детей. Он - мой первый и единственный, – на этих словах в глазах выступают слезы, но я часто моргаю, прогоняя их.

— А у нас нет детей. Может, и хорошо, иначе бы страдали, узнав, какой козел их папаша.

— Господи, я даже не знаю, как сказать детям про развод, – вздыхаю я. – И как папе сообщить...

— Боишься, что убьет твоего ходока? – хихикает Марина.

— Да нет... Там скорее меня прибудут за то, что не удержала мужика хорошего...

— Так, подожди! Папа - это чей папа? Твой или мужа?

— Мой. Но... он всегда на стороне Саши, чтобы ни произошло... – озвучиваю боль всей своей жизни незнакомой женщине, совершенно при этом не стыдясь.

— Но ведь ты - его ребенок, а не твой муж! – удивляется она.

— Нелюбимый ребенок. Старшая дочь, не слишком умная и способная. Я - его первый блин, – горько хмыкаю я.

— Так, Светлана, чую, тут одной бутылкой не отделаешься! – и она делает жест рукой, чтобы официант принес еще.

Домой я попадаю около двух часов ночи. Крадусь, не включая свет. Но едва закрываю дверь ванной, как туда вламывается Саша...

Глава 3

— Свет, ты куда пропала? Я волновался жутко! – голос Саши звенит тревогой. И еще вчера я бы умилилась, какой заботливый у меня муж. Но сегодня мне тошно от его слов, а от прикосновений его рук передергивает.

— Я все знаю, Саш... Хватит ломать комедию, – отхожу от него и присаживаюсь на край ванны.

— В смысле? Что знаешь? – не понимает он.

— Про тебя и Василису. Надеюсь, вы хотя бы в нашем доме не совокуплялись, – сама удивляюсь тому, как спокойно произношу эти слова.

— Свет... Светик, послушай, родная, не знаю, кто это наплел тебе, но это неправда, – Саша опускается передо мной на колени и смотрит своими кристально-честными голубыми глазами.

Идеальный актер, Станиславский был бы доволен.

— Никто не говорил. Я сама вас видела... Вернее, слышала, – новый приступ тошноты скручивает кишки, но меня не рвет на этот раз.

Саша меняется в лице, в глазах мелькают возможные варианты нового вранья.

— Ты неправильно все поняла, родная, – муж утыкается лбом мне в колени. — Просто...

— Просто моя сестра тебе отсосала посреди корпоратива, — язвительно шиплю я. — Действительно, все очень просто...

— Ты видела это? — в глазах мужа столько немого укора, что становится не по себе.

— Я слышала.

— Ничего такого Василиса не делала. У нее заела молния на платье, я помог. а потом оказалось, что ее волосы запутались в пуговицах моего пиджака...

— Прекрати врать! — обрываю его. — Ты назвал ее ненасытной сучкой! А потом еще и трахнул ее!

Толкаю коленом, заставляя отодвинуться от себя.

Саша садится на пол, вытягивает ноги и хватается за голову.

— Свет, прости... Помутнение какое-то! Как пелена на глазах... Не знаю, как так вышло... Васька, ты ж знаешь ее, запрыгнет на кого угодно... Я не хотел... Идиот просто... — меняет тактику лжец.

А я переступаю через него и выхожу из ванной.

Забираю свою подушку и иду в гостевую комнату, намереваясь спать там. Но потом вспоминаю, что именно в этой комнате спит моя сестра, когда остается у нас с ночевкой. Брезгливость и отвращение заставляет пробежать морозу по коже. Б-р-р-р!

Резко разворачиваюсь и шагаю в гостиную. Достаю из шкафа плед, скидываю платье и заворачиваюсь на диване в кокон из пледа.

Усталость, эмоции и вино делают свое дело, и я забываюсь в тяжелом сне.

А утром меня будит запах свежего кофе и возбужденный шепот Вари.

— Мамуль! Просыпайся! Завтрак готов!

С трудом распахиваю глаза и вижу счастливое лицо дочки.

Сползаю с дивана, шлепаю в ванну, где умывшись, закутываюсь в банный халат и топаю на кухню.

На столе стоит букет розовых пионов и накрыт завтрак, который приготовил Саша.

— Доброе утро, самая лучшая женщина на свете! – приветствует муж бесконечной виной во взгляде.

— Мам, мы с папой для тебя приготовили кашу твою любимую и тосты с авокадо, – Никита обнимает меня, а я чмокаю его в макушку.

— Спасибо, сынок.

— А я ягодами украсила! И орешки посыпала! – добавляет Варя и тоже обнимает.

— Красивее в жизни не видела каши! – хвалю и целую дочку в щечку. — Уверена, что и на вкус будет лучше, чем все каши в мире!

— Я отвезу детей в школу, а ты поваляйся еще часок, – предлагает Саша после завтрака.

Спорить ни сил, ни желания нет. К тому же, мне и правда нужно побыть одной и на трезвую голову подумать, что дальше.

Вчера в баре рассуждать о том, что женщина и сама все сможет, было легко. А вот утром все это видится в ином свете.

Да, измена мужа не испарилась, как и рана на сердце от предательства.

Жить с ним, а тем более спать, я не смогу. Но и развестись прямо сегодня не получится. У меня есть дети, для которых неожиданная новость станет стрессом. И есть бизнес, который завязан и на мне частично. Разорвать общение с Сашей одним днем не получится.

С такими мыслями принимаю ванну, а потом долго сушу и укладываю волосы. Мелькает мысль поехать к отцу и рассказать про Василису и Сашу, но тут же отметаю ее.

Отец никогда меня к себе не подпускал так близко, как сестру. Все разговоры со мной ограничивались или поучениями, или упреками, что я недостаточно хороша в чем-либо.

Единственный раз, когда я получила от него кивок, выражающий одобрение, это знакомство с Сашей и новость, что я выхожу замуж. Он как будто вздохнул с облегчением, что я больше не буду сидеть на его шее. Хотя я с шестнадцати лет работаю.

Быстро одеваюсь и уже хочу выходить из дома, как появляется Саша с огромным букетом алых роз.

— Светуль, давай поговорим, – муж преграждает мне выход.

— Не хочу. У меня нет сил пока, Саш. Мне нужно поду-

мать, как рассказать детям, съездить к адвокату...

— Нам нельзя разводиться. Свет, у нас дети! Из-за одной ошибки разрушать семью - это глупо!

— Нужно было тебе об этом раньше думать, – я поджигаю губы и сверлю мужа тяжелым взглядом.

— Светик, я виноват! Тысячу раз виноват! Ненавижу себя за это! Но я люблю тебя! Не хочу терять тебя, милая! Давай подождем с разводом. Дай мне шанс доказать тебе, что я раскаиваюсь. дай заслужить прощение...

Саша падает на колени передо мной, в его глазах я вижу страдание и слезы. Он действительно раскаивается или это всего лишь очередная ложь?...

— Свет... Я придурок... Прости меня! Дай мне шанс, обещаю, что не подведу! – пользуясь моими раздумьями, Саша подползает ко мне ближе и обхватывает руками мои бедра, утыкаясь лбом мне в живот.

Не могу ничего сказать. В груди смешивается странное чувство боли, обиды, надежды, от чего дыхание становится тяжелым и прерывистым. Хочу оттолкнуть его от себя, но руки висят тяжёлыми плетьюми. Хочу сказать, чтобы оставил меня в покое, но слова превращаются в хрип, который застревает в легких...

— Мне нужно в офис, – все же выдавливаю из себя.

— Свет, давай вечером спокойно поговорим еще раз. Я не хочу терять нашу семью.

— Ты ее уже потерял...

Скидываю с себя его руки и уверенно шагаю к машине.

Глава 4

Еду в офис, не обращая внимания на звонки Василисы, которая решила оборвать мне телефон с утра.

Хочет извиниться? Или попытаться навешать мне новую порцию лапши?

Не хочу слышать ее!

— Светлана Витальевна, посмотрите правки от юристов Селиверстова? – Вероника ловит меня прямо у лифта.

— Юристы смотрели уже?

— Да, на утверждение передали.

— Хорошо, давай сюда, – я было тяну руку за папкой, но в последний момент одергиваю. — Вообще, лучше передай это Сергею Васильевичу.

Игнорируя удивленное хлопанье ресниц помощницы, иду к себе в кабинет и закрываю плотно дверь.

Эта компания - не моя. И бизнес не мой, хоть я и поработала бок о бок с мужем почти с самого открытия. Я не вкладывала деньги, только время и мозги. И после развода компания останется у Саши, так что мне больше не нужно переживать и взваливать все на себя.

Василиса звонит в двадцатый раз, и я вношу ее в черный список. Достала!

Роюсь в сумочке, пытаюсь найти таблетки от головной бо-

ли, но вместо блистера с лекарством вытаскиваю плотную визитку с надписью: “Марина Воронцевич, врач эстетической медицины”.

Надо же! Мы обменялись визитками?

Кручу в руке картонку, размышляя, выбросить или нет. Вчера я практически исповедалась незнакомой женщине под бутылочку вина, рассказала ей то, чего даже близкой подруге никогда не говорила. Потому что была уверена, что мы никогда не встретимся больше. Мы были, как случайные попутчики в поезде. А теперь ее визитка у меня в сумке...

Мои размышления прерывает звук открывающейся двери, а в нос бьет приторно-сладкий запах восточных духов, которыми обожает обливаться моя младшая сестричка.

— Свет, что за выкрутасы?! Я тебе все утро звоню! – сходу начинает кидать предьявы Василиса.

Светлые волосы, как всегда, идеально уложены, бледно-голубой брючный костюм идеально оттеняет ее васильковые глаза и фарфоровую кожу. Моя сестра - само совершенство, каким обладают коллекционные куклы в антикварных магазинах.

— Зачем ты мне звонишь? – стараюсь говорить безразличным тоном, но голос дрожит.

— Чтобы сказать, чтобы ты не думала, черт знает что! У нас с Сашей ничего нет!

— Ничего. Только спите вы иногда по закоулкам. Я поняла.

— Ну не начинай! – Вася раздраженно швыряет сумочку на стол и садится в кресло. – Один раз, не водолаз, как говорится. Он все равно тебя любит. А мне не нужны отношения и вся эта суета с семьей. Мы просто попали под влияние куража после корпоратива. Все! Забудь об этом и живи дальше! Я на твоего муженька не претендую!

— Ты все сказала? – я изгибаю бровь и холодно смотрю на сестру.

— Да, все. И надеюсь, ты не будешь душой.

— Быть или не быть – вот, в чем вопрос. И я отвечу на него уж точно без твоей помощи, дорогая сестрица. Закрой дверь с той стороны. У меня ужасно много дел.

Открываю ноутбук и демонстративно в него утыкаюсь. С облегчением слышу стук каблучков по направлению к выходу, а потом щелчок двери.

И только тогда из моей груди вырывается то ли хрип, то ли смех, то ли сдавленное рыдание.

Сама не верю, что выставила Василису за дверь и не позволила присесть мне на уши с очередными нравоучениями. У них с отцом общее хобби – учить меня уму-разуму по любому поводу. Только я не пойму, почему всегда это позволяла?

Телефон снова звонит. Не поминай черта, блин!...

— Да, папа, – отвечаю на звонок.

— Свет, чего ты наговорила Васе? Почему она так рас-

строена? Ты же знаешь, ей нельзя нервничать, у нее работа серьезная! Как она с красными глазами на пресс-конференцию пойдет? – в тоне отца нет ни намек на любовь ко мне и заботу о моих чувствах.

— Тебе нужно было у нее спросить, а не у меня. Это она ко мне приехала посреди рабочего дня...

— Ты старшая сестра! И должна быть умнее! – отрезает отец, даже не дав мне договорить.

— Пап, мы сами разберемся, – отвечаю я, но в ответ уже только гудки.

В сердцах бросаю мобильник на стол. И мне все равно, что он может разбиться!

Как же меня достало это! Всю жизнь я была “старше и умнее”! Когда брала вину за шалости Василисы на себя, когда покрывала ее прогулы в школе и побеги на свидания. И молчала, когда на мою голову выливалось ведро упреков и сравнений с сестрой не в мою пользу.

Только мама меня любила... Только она чувствовала, когда мне плохо. Но мамы нет уже почти пять лет, и погладить по голове и сказать: “Все будет хорошо, Светик”, некому...

Внезапно в памяти всплывает песня, которую мама пела мне в детстве: “Спи моя Светлана”, и в носу начинает щипать от слез.

Хватаю сумочку и телефон и несусь прочь из офиса.

— Светлана Витальевна! – голос Вероники бьет в лопатки, но я не останавливаюсь.

Добегаю до парковки и сажусь в машину. Истерика накрывает так сильно, что меня трясет. Упираюсь лбом в руль и позволяю слезам литься.

— Не сильная я, мам... Не будет у меня ничего хорошо... Я так скучаю, мамочка... — вырывается из моего рта вперемешку с рыданиями.

Выплакав тонну слез, я сижу в той же позе, чувствуя себя совершенно вымотанной. Вчера вся эта ситуация с изменой мужа казалась какой-то чужой и ненастоящей. Вчера под влиянием вина я была более решительна. Я хорохорилась и внушала себе, что мне не больно и что я смогу пережить это.

А сегодня совершенно ясно понимаю, что сил быть сильной и решительной у меня практически нет.

Открываю зеркало и пытаюсь привести себя в божеский вид, вытерев салфеткой черноту под глазами. Но даже убрав растекшуюся тушь, вид у меня просто кошмарный.

Глаза выхватывают знакомый темно-синий внедорожник, заруливающий на парковку. Слежу, как Саша выходит и уверенной, чуть вальяжной походкой идет к зданию офиса. Ему кто-то звонит, и он отвечает с легкой улыбкой.

С кем он разговаривает, так мило улыбаясь? С Василисой? Или она у него не единственная любовница?

Тупая боль бьет в грудь. Включаю зажигание и выезжаю с парковки с другой стороны, чтобы муж меня не заметил.

Глава 5

В четвертый раз даю круг по Садовому. Ехать домой совсем не хочется, детей из школы забирать еще рано. Наташку нагружать проблемами своими тоже неправильно, да и, честно говоря, признаваться в том, что собственный муж изменяет – не айс.

Заметив свободное место на парковке возле кофейни, за руливаю туда.

Фух, хоть в этом повезло. От чашки капучино я бы не отказалась. Если там еще и столик будет свободный, то вообще можно сказать страйк выбила.

— Простите, но мест нет сейчас. Ожидание примерно тридцать минут, – обрубает мои надежды хостесс.

— Совсем-совсем? Даже самого маленького столика? Я быстренько кофе выпью и уеду, – сама не знаю, почему так отчаянно пытаюсь выиграть хотя бы в этой битве.

— Мне очень жаль, – девушка виновато улыбается, и я понимаю, что она хочет, чтобы я побыстрее освободила место для следующих посетителей.

Вдыхаю аромат кофе напоследок и собираюсь уже уйти, как меня окликают:

— Света!

Оборачиваюсь и тут же попадаю в объятия Марины.

— Ты что, уже уходить собралась?

— Привет! Мест свободных нет, а ждать полчаса.

— Пойдем к нам! В тесноте да не в обиде. Меню нам, пожалуйста, принесите, – командует она хостесс.

Иду за Мариной в смешанных чувствах: с одной стороны я очень рада ее встретить, потому что за вчерашний вечер мы столько друг о друге узнали, и мне понравилась эта крепкая духом женщина, которая знает себе цену и в карман за словом не лезет. А с другой... мы ведь, как попутчики в поезде – потому и обнажили души друг перед другом, что больше не должны были встретиться...

— Вау! — произносит мужчина за столиком, к которому подводит Марина.

Он встает и тянет руку ко мне.

— Свет, познакомься, это Виктор, – представляет Марина. – А это - Светлана. И рот закрой, Вить, а то слюна капает, – хмыкает Марина, а я краснею до кончиков ушей, потому что во взгляде мужчины я замечаю блеск, которого никогда не видела у Саши за все девятнадцать лет нашего брака.

— Очень приятно, – бормочу я, подавая руку, а Виктор галантно касается губами тыльной стороны моей ладони. — Простите, что нарушила ваше свидание.

— Какое свидание? – Марина плюхается на диванчик и закатывает глаза. — На этого самца открыт предзаказ на сто лет вперед, до меня очередь не успеет дойти. Довольствуюсь ролью подруги, коллеги и партнера по бизнесу.

— Самой лучшей подруги и самого надежного партнера, — вставляет Виктор и помогает мне присесть, подвинув стул.

— Кстати, Света — самый главный разработчик и поставщик цифровых услуг для бизнеса, — Марина отправляет в рот кусочек тирамису. — Нет, они просто преступники! Нельзя делать такой шикарный тирамису! На него ж подсесть запросто!

Я немножко в шоке от неожиданной встречи, и фраза Марины про десерт как будто разряжает атмосферу. И я спешу оправдаться.

— Ну я не сама разрабатываю. Я всего лишь развиваю линейку продуктов и расширяю партнерскую сеть, оптимизирую электронные базы и документооборот, — пожимаю плечами, потому что немного неловко, с каким восторгом и важностью презентует меня новая подруга.

— Так это — самое важное! — Марина возмущенно смотрит на меня. — Нет, Вить, ты встречал когда-нибудь таких скромных барышень?

— Никогда не встречал, — улыбается Виктор, и в глубине его серых глаз мелькает неприкрытый интерес.

— Ваш капучино с корицей, — объявляет официант и ставит передо мной кружку с ароматным напитком.

— О, вы тоже любите корицу? — интересуется Виктор.

— Есть такой грешок. Еще люблю кардамон добавлять.

— Встретились два извращенца, — Марина снова закаты-

вает глаза, но делает это так по-доброму, что я улыбаюсь.

У Виктора звонит мобильник, и он, извиняясь, отходит.

— Как ты? К адвокату ездила? – спрашивает Марина, едва ее друг отходит.

— Еще нет. Если честно, даже не представляю, как все это будет, – вздыхаю я. — Он с утра вымаливает прощение и цветами заваливает. Говорит, что ошибся, помешался... Что любит меня...

— Не верь. Ни единому слову не верь! Они лжецы и подлецы. Привыкают к хорошему и ничего не хотят менять в своей жизни! У них же все зашибись! Жена борщи варит, а любовница ублажает и подпитывает его эго. Только вот мы, жены, не должны обеспечивать им удобство!

— У нас еще и бизнес на мне завязан. Новый заказчик наотрез отказался заключать договор, если куратором буду не я.

— По документам компания или доля твоя?

— Нет, – признаюсь я.

— Вот и не парься. Это больше не твоя головная боль, – подводит итог Марина, со вкусом допивая свой напиток. – Я сегодня оформила доверенность на адвоката. В суде не хочу появляться. Получу свидетельство о разводе и махну в отпуск отмечать новую жизнь без козлов.

— Дашь мне контакт своего адвоката? – прошу я.

— Не вопрос, сейчас в МАКС скину.

— Дамы, вынужден вас покинуть, – объявляет Виктор,

вернувшись к столику. — Марин, я жду твоего косметолога у себя, а от тебя мне нужны рекомендации по обустройству кабинета.

— Договорились, Вить, — Марина встает и чмокает его в щеку.

— Было очень приятно познакомиться с вами, Светлана, — он тянет руку, и я встаю на прощание. А Виктор вдруг наклоняется ко мне и легко касается губами моей щеки. — Буду рад увидеться снова.

Его низкий голос с легкой хрипотцой почему-то проходит по всем нервам и заставляет встать дыбом каждый микроволосок.

Пока пытаюсь сообразить, чего бы такого вразумительно-го ему ответить, Виктор уходит.

— Классный мужик, — Марина вздыхает ему вслед. — Только с бабами не везет.

— Это странно, — замечаю я, пытаюсь прогнать аромат его парфюма, который щекочет нос и будоражит кровь.

— Да, однолюб и порядочный — это в наше время очень странно, — подтверждает Марина.

Я подзываю официанта, чтобы попросить счет, но оказывается, что Виктор перед уходом закрыл его.

— Я ж говорю — не мужик, а золото, — хмыкнув, Марина чмокает меня в щеку, и мы разъезжаемся.

У меня в телефоне контакт адвоката по бракоразводным процессам, но я все же не решаюсь к нему поехать. Вместо

этого, забираю Варю и Никиту из школы и везу их в кафе есть пиццу и мороженое.

— Мам, у нас сегодня было задание – рассказать про то, кто в семье самый главный! – объявляет Варя, уплетая мороженое.

— Я сказал, что папа – главный, – встревает Никита. — Потому что он зарабатывает деньги, покупает нам дом, машину и игрушки.

— А я сказала, что главная – мама! Без мамы папы бы не знал, что нужно покупать! – спорит дочка. — Папа даже не знает, как лечить горло и сопли! И как размер кроссовок и туфелек угадывать!

— Папа зато сильный и может защитить нас от врагов, – упрямится сын, и его щеки розовеют, как у Саши, когда тот злится.

— А мама знает все колыбельные! – Варя не сдает позиции. Я уже знаю, что если не остановить их спор сейчас, то и до кулаков дело может дойти.

— А я думаю, что правильный ответ – это все в семье одинаково главные, – с улыбкой произношу я и замечаю, как детские личики вытягиваются от озарения.

— А разве так можно было ответить? – Варя удивленно тарашит глаза.

— Эх... Сподвохом задание оказалось, – сокрушенно вздыхает Никита.

А у меня по сердцу как будто прошлись молотком для отбивания мяса. Мои дети одинаково любят и маму, и папу, как они воспримут новость о том, что жить мы будем теперь не вместе?

Едем домой, а там меня ждет сюрприз...

Глава 6

— Тетя Вася!

— Дед!

Дети с порога несутся к любимым родственникам, зная, что сейчас получат кучу сладостей от деда и новомодные дорогие игрушки от тети.

— Дорогая, я уже начал волноваться, – Саша чмокает меня в щеку, заботливо забирает сумку и помогает снять пиджак.

— По какому поводу семейный сбор? – интересуюсь я, проходя в кухню-столовую.

— А разве для того, чтобы собрать дорогих людей нужен повод? — муж улыбается, и еще пару дней назад я бы благодарила бога за то, что мне достался самый прекрасный и заботливый мужчина на свете. Но теперь я четко вижу фальшь.

— Саш, давай без этого всего. Мы решим это между собой, не надо втягивать отца, – наливаю себе стакан воды из крана и залпом выпиваю.

— Виталий Борисович ведь тоже акционер компании, так что повод позвать его есть. Такой успех нужно отметить еще и в узком кругу семьи. Я, кстати, все заказал. Доставка из ресторана будет с минуты на минуту. Так что мой руки, от-

дохни немного, а я пока накрою все.

Саша подходит ко мне и обнимает за талию.

— Светик, я ведь у тебя хороший. Цени меня хоть немного, – он проводит носом по моей щеке и легонько прикусывает мочку уха.

Раньше от такого у меня колени подкашивались, а сейчас тошнит...

— Я пойду переоденусь, – высвобождаюсь из объятий мужа и спешу в нашу комнату.

По дому разносятся восторженные визги детей, звяканье тарелок на кухне, громкий властный голос отца и заливиственный смех Василисы, а я сижу на кровати и пытаюсь не сойти с ума от противоречивых мыслей, разрывающих голову.

Саша ведет себя так идеально, что закрадывается подозрение, а не почудилось ли мне все вчера? Но я одергиваю себя. Саша признался. И сестра тоже. Только если они могут делать вид, что ничего такого не произошло, то я нет.

Нахожу в сообщениях контакт адвоката и назначаю встречу на завтра. Знаю, что будет шок, удар и неопределенность, но чем быстрее я пройду через все это, тем быстрее начну новую жизнь.

— Мам, пойдем ужинать! – зовет Варя.

В столовой все уже сидят за столом. Саша отодвигает для

меня стул, а сам остается стоять.

— Виталий Борисович, хочу в сотый, нет, в тысячный раз поблагодарить вас за дочь! — Саша смотрит на меня обожающим взглядом.

— За такую дочь и выпить не грех, — отец неторопливо поднимает бокал, и взгляд его скользит по мне сверху вниз, как по удачно подобранному предмету интерьера. — Не зря вкладывал, вырастил, можно сказать, надёжный тыл для серьёзного мужчины.

Держу спину прямо и улыбаюсь ровно настолько, насколько положено благодарной жене и дочери. А под столом комкаю салфетку так, что ногти впиваются в ладонь сквозь ткань.

— Папочка, давай без этих твоих речей, — Василиса смеётся, и в её смехе мне чудится что-то заранее отрепетированное. Она поправляет Саше воротник пиджака — мелким, домашним движением, на которое ещё позавчера я бы и не посмотрела, а сейчас от него по позвоночнику сползает холодок.

Саша ловит короткий взгляд отца, почти незаметный, и только после этого открывает рот. Раньше мне казалось, что мой муж не оглядывается ни на кого. Теперь я вижу, как он сверяется с Виталием Борисовичем, будто ждёт отмашки сверху.

— А у меня сюрприз, — Саша обводит сияющими глазами стол и задерживается на детях. — Мы столько пахали ра-

ди этого контракта, столько нервов в него вбухали. А когда мы в последний раз были на море?

— Сто лет не ездили! — выпаливает Варя, и ложка с мороженым замирает на полпути ко рту.

— Вот именно, — муж подмигивает дочери. — Поэтому я взял путёвки. Лучший отель в Крыму, огромный номер с видом на воду, аквапарк под боком!

Никита срывается со стула так, что тот едва не опрокидывается, и виснет у отца на шее. Варя визжит, хлопает в ладоши и опрокидывает стакан с компотом, но никто даже бровью не ведёт. Дети наперебой выясняют, есть ли там горки повыше, пустят ли их купаться в темноте и возьмём ли мы с собой надувной круг в виде единорога.

Я смотрю на их лица, и где-то под рёбрами тихо щёлкает захлопнувшийся капкан.

— Светик, ты же не против? — Саша произносит это так, будто отказ в принципе невозможен. И снова, прежде чем я успеваю шевельнуть губами, он коротко взглядывает на отца.

— А с чего бы ей быть против? Муж о семье заботится, жена должна радоваться. Светлана у меня умная, всё понимает.

«Умная» в его устах всегда означало «удобная» — та, что проглотит и не подавится. Двадцать лет я глотала, и двадцать лет это называлось умом.

Варя забирается ко мне на колени, и я прижимаю её к себе, утыкаюсь носом в макушку, где смешались запахи детско-

го шампуня и ванили. Поверх её волос я успеваю поймать, как отец и Василиса переглядываются — словно между ними только что сошлась какая-то цифра.

Боже, у меня, кажется, развивается паранойя! Может, мне и правда пора отдохнуть...

— Конечно, я не против, — голос выходит ровным, хотя внутри всё стянуто в тугой узел. — Дети заслужили море.

За столом поднимается радостный гвалт. Саша выдыхает и откидывается на спинку стула с видом человека, только что сдавшего трудный экзамен. Отец чуть заметно кивает ему — так кивают подчинённому, справившемуся с поручением. Но я не получала даже такого от него ни разу за всю жизнь. В очередной раз в груди как будто протыкают тонкой иглой от обиды, но я привычно давлю все ощущения.

На мгновение проскакивает мысль схватить Василису за волосы и вытащить из-за стола, дать ей пощечину и выгнать вместе с Сашей из дома. Но что подумают дети? Что их мама - истеричка?

Нет, так нельзя. Не хочу втягивать детей в разборки между взрослыми.

Поэтому продолжаю сидеть за столом и ковырять еду, хотя аппетита нет.

Увиливаю от провожания гостей под предлогом купания Вари, а потом долго укладываю детей спать. Ложусь опять в гостиной и долго не могу заснуть.

Поездка на море через пять дней, за которые мне нужно

подготовить и настроить все для проекта Селиверстова. А значит, к адвокату я смогу попасть только в конце июня.

Открываю переписку с адвокатом и долго смотрю на завтрашнюю встречу. Палец замирает над экраном.

«Прошу прощения, вынуждена перенести. Семейные обстоятельства. Свяжусь после двадцатого», — печатаю и жму «отправить» раньше, чем успеваю передумать.

Только ради детей и только до конца отпуска. Повторяю это про себя, как заклинание, и почти верю.

А в том, что сегодня за одним столом муж, сестра и отец радовались чему-то своему, не оставив в этой радости места для меня, я обязательно разберусь — дайте только вернуться с моря.

Глава 7

До отъезда я живу так, как, кажется, не жила никогда. Сплю по четыре часа, а всё остальное время держу телефон у уха и правлю документы, в которых от усталости буквы начинают расплзаться по строчкам.

Селиверстов выкатывает последнее условие, за ним ещё одно, и каждое я разбираю по косточкам вместе с юристами. К вечеру третьего дня договор отшлифован до блеска, согласован со всеми сторонами и ждёт одной только подписи.

Есть в этом какая-то злая ирония: я довожу до ума сделку, которая держит меня крепче любых цепей. И делаю это безупречно, потому что иначе попросту не умею.

Море встречает нас слепящим светом и запахом соли, от которого у детей мгновенно загораются глаза.

Номер достаётся нам огромный, с балконом прямо над заливом. Я выхожу туда, опираюсь о нагретые солнцем перила и впускаю в себя этот простор, в котором так легко притвориться, будто всё хорошо.

Саша уверенно идет на победителя премии “Отец и муж года”. Он сам мажет детям плечи кремом, бежит к ларьку за мороженым и холодной водой. Вечером приносит мне запотевший бокал белого вина, устраивается рядом на шезлонге и долго мечтает вслух, как осенью свозит нас ещё и в горы.

Я наблюдаю за ним с непонятным холодком под рёбрами. Каждый его жест выверен до миллиметра, и улыбка адресована не столько мне, сколько всем вокруг, кто может её заметить. В груди тревожно ноет, а оторвать взгляд от мужа я всё равно не в силах — ищу и не нахожу трещину в этом безупречном фасаде.

Дети в эти дни по-настоящему счастливы. Варя загорела до медового оттенка и каждое утро тормозит меня, чтобы скорее бежать к воде, а Никита научился нырять с бортика и требует, чтобы я непременно следила за каждым его прыжком. Я хлопаю в ладоши и кричу, что всё вижу, а под этой радостью ворочается глухая вина — тем больнее придётся детям потом, когда привычный мир треснет пополам.

— Какая же у вас чудесная семья, золотко, — восторженно объявляет мне пожилая дама в огромной шляпе, любясь, как Саша выносит из воды на руках хохочущую Варю. — Сразу видно, что муж вас бережёт. Держитесь за такого, нынче подобное днём с огнём не сыскать.

Я благодарю её и натягиваю на лицо ту самую улыбку, что отрабатывала годами перед зеркалом. Определенно, по Саше плачет театр.

Или все же он и вправду оступился?..

Ночью, когда дети наконец засыпают, а мы сидим на балконе на диванчике, Саша вдруг притягивает меня к себе. Его ладонь скользит по моему бедру привычным, заученным за годы движением, и в прежней жизни я растаяла бы от одного

этого прикосновения.

Сейчас тело реагирует раньше, чем мозг. Я вскакиваю и ухожу в номер. Не зажигая в ванной свет, хватаюсь за края раковины и пережидаю, пока уймётся колотящееся сердце. С зеркала на меня смотрит женщина, которая ещё месяц назад сама ловила прикосновения этого мужчины, а теперь шарается от них, будто от чужого. Кожа на бедре до сих пор горит там, где прошлась его рука, и от этого жжения хочется содрать с себя всё разом.

Я прижимаю мокрые пальцы к губам, чтобы не выпустить наружу ни звука, — плакать при нём не стану ни за что. Несколько долгих минут стою так, вцепившись в холодный фаянс, пока дыхание не выравнивается, а отражение снова не делается похожим на ту Светлану, которой положено держать лицо при любых обстоятельствах.

Слава богу у нас в спальне две кровати. Спать под одним одеялом с мужем я не готова.

— Я всё понимаю, Светик, — шепчет Саша, устраиваясь на своей постели. — Подожду, сколько потребуется. Заслужу твоё прощение, даже если уйдёт на это целый год.

Он почти сразу засыпает, ровно и спокойно дыша, а я лежу с открытыми глазами и слушаю, как за окном тяжело ворочается море. Внутри шевелится предательская мыслишка, что муж, быть может, и впрямь изменился. Я гоню её прочь, а она упрямо возвращается, цепкая и настырная.

А следом подкатывает то, в чём стыдно сознаться даже са-

мой себе: я скучаю. Тоскую не по этому, спящему рядом так безмятежно, будто ничего и не случилось, а по тому Саше, которого, похоже, никогда и не существовало. И эта тоска по выдуманному человеку ранит больше любой измены.

Наутро предупреждаю Сашу, что хочу «пробежаться по магазинам», оставляю на него детей и ухожу в город одна. Он все еще в образе идеального мужа, поэтому не возражает.

На узкой улочке, сбегающей к набережной, кто-то окликает меня по имени, я оборачиваюсь и попадаю прямо в распахнутые объятия Марины.

— Не верю своим глазам! — смеётся она. — Тебя-то сюда каким ветром занесло?

Мы ныряем в первое попавшееся кафе с видом на белые яхты и заказываем кофе. Марина загорела, постриглась короче прежнего и будто скинула добрый десяток лет.

— Я теперь совершенно свободная женщина, — объявляет она, помешивая ложечкой капучино. — Адвокат просто чудо! Быстро оформил развод. А я подписала бумаги и тут же рванула сюда. Заодно подыскиваю помещение под клинику, давно думала, что пора уже и курорты осваивать.

— Меня сюда привёз муж, — признаюсь я, разглядывая собственные пальцы на столе. — Сказал, мы заслужили отдых.

Марина замирает с чашкой у самых губ и окидывает меня долгим, всё понимающим взглядом.

— Свет, — осторожно начинает она, отставляя кофе в

сторону. — А ты сама-то веришь, что сумеешь такое простить? Забыть, как он с этой своей...

Вопрос бьёт прямо в незажившее, и я открываю рот, чтобы ответить твёрдо, но слов не нахожу.

Днём, рядом со счастливыми детьми и безупречным Сашей, я почти готова поверить в этот второй шанс. А по ночам тот мерзкий звук из-под террасы возвращается ко мне до отвратительных подробностей, и тогда я понимаю, что никакое море не смоев услышанного.

— Не знаю, Марин, — выдыхаю я наконец. — Вот честное слово, совсем не знаю.

И в этом моём «не знаю» прячется вся беда.

Глава 8

Вопрос Марины я уношу с собой из кафе и потом никак не могу от него отделаться. Он догоняет меня на пляже и всплывает посреди ужина. А по ночам ворочается где-то рядом, пока я слушаю сонное дыхание детей за тонкой стенкой.

Сумею ли я простить? Захочу ли забыть?

Отпуск тем временем катится дальше, тёплый и неспешный, и с каждым днём всё настойчивее склоняет меня к одному и тому же ответу. Дети загорели и закалились, смеются от рассвета до заката и виснут на самом лучшем отце на свете. Глядя на них, я ловлю себя на предательской мысли, что разрушить это будет почти преступлением.

Саша же словно задался целью переиграть самого себя. Он угадывает мои желания раньше, чем я успеваю их осознать. То накинет мне на плечи шаль, едва потянет вечерней прохладой, то закажет в номер тот самый десерт, о котором я лишь мельком обмолвилась. Ни упрёка, ни попытки приблизиться силой — только эта ровная, терпеливая нежность, от которой моя решимость тает, как песочный замок под прибоем.

К предпоследнему дню я уже почти сдаюсь. Почти убеждаю себя, что и вправду был единственный срыв, помутнение, за которое он теперь расплачивается этой всеобъемлющей заботой. Почти готова вечером объявить, что даю нам

ещё один шанс — ради детей и ради тех девятнадцати лет, что мы прожили вместе.

После ужина Саша целует детей в макушки и тянется за телефоном.

— Светик, “Спартак” с “Динамо” играют, я в спорт бар спущусь, — он виновато улыбается. — Часа на два. Уложишь мелких сама?

— Иди уже, болельщик, — отмахиваюсь я с непривычной лёгкостью, и он уходит, насвистывая что-то под нос.

Дети засыпают быстро, разморённые солнцем и морем. Подтыкаю Варе одеяло, убираю с лица Никиты прилипшую прядь и какое-то время сижу между их кроватями, слушая ровное сопение. В этой тишине так легко поверить, что всё ещё можно склеить.

Только в комнате становится душно. Кондиционер над дверью хрипит, мигает лампочкой и затихает совсем, а воздух густеет на глазах. Распахнутое окно не спасает — с залива не тянет ни ветерка.

Спускаюсь на ресепшен. Сонный портье обещает прислать мастера утром и протягивает мне переносной вентилятор. Я благодарю его и иду обратно, прижимая к груди коробку.

Коридор третьего этажа тонет в мягком полумраке. И вот у одного из номеров я замираю, будто налетев на стену.

За дверью смеётся моя сестра. Этот залиvistый, довольный смех я узнала бы из тысячи.

Коробка с вентилятором вдруг делается неподъёмной. Я медленно опускаю её на ковёр и придвигаюсь ближе, хотя каждая клеточка кричит, что слышать этого не надо.

— ...совсем с ума сошла, что приехала, — голос Саши приглушённый и возбужденный. — Ещё неделя, и можно не осторожничать.

— Соскучилась, — мурлычет Василиса. — У меня тут командировка нарисовалась, вот я и подумала: чего бы не заскочить и не скоротать ночь. Я так понимаю, супружеского долга тебе не отдали.

Что-то шуршит, потом раздаётся знакомый сдавленный смешок, от которого у меня темнеет в глазах.

— Ну хватит, хватит, — посмеивается муж, и в его голосе нет ни капли той вины, которой он заливал меня всю неделю. — Угомонись, Вась, а то ведь я не выдержу и оттрахаю тебя так, что ходить не сможешь. Я всего на два часа вырвался.

— Да брось ты, — фыркает сестра. — Эта клуша глаза в детей уткнула и дальше собственного носа не видит. Придешь под утро, она и не заметит ничего. Всю жизнь такой была — наивная дурочка, всем верит и всё прощает. Вот увидишь, и сейчас простит, никуда не денется.

— Тише ты, — шипит Саша, но смеётся вместе с ней.

Я вжимаюсь спиной в стену, и эти слова заливают меня, как ледяная вода за шиворот. Наивная дурочка, что всем верит и всё прощает. Я ведь и впрямь почти простила — сегодня днём, на этом проклятом песке.

Вот, значит, кто я для них — удобная и слепая, на которой можно ездить, пока она нянчит детей и вытягивает контракты.

В висках стучит чужое: «ещё неделя, и можно не осторожничать». О какой неделе он толкует? Что должно случиться через семь дней, отчего им больше не придётся таиться? Мысль скользкая, целиком её не ухватить. Но по спине ползёт уже другой холод — не от обиды, а от догадки, что за всем этим стоит нечто большее, чем случайная страсть.

Первый порыв — распахнуть дверь и разнести их обоих в клочья. Рука уже тянется к ручке. Но я отдёргиваю её и заставляю себя дышать ровно. Только не так и не сейчас.

Если я ворвусь туда с криком, то снова стану той самой клушей — обманутой и жалкой, бьющейся в истерике у чужого порога. Они только этого и ждут.

Наклоняюсь, бесшумно поднимаю коробку и иду назад по коридору, ступая мягко, как кошка. Внутри как будто лопаётся перегоревшая лампочка. Что ж, пора вкрутить новую и засветить так, чтоб мало не показалось.

Они считают меня слепой дурой, которая ничего вокруг не замечает. Что ж, пусть и дальше так считают. Это единственное преимущество, что у меня осталось, и я не разменяю его на минутное удовлетворение от их перепуганных лиц.

В номере ставлю вентилятор на тумбочку, ложусь поверх покрывала и разглядываю потолок, по которому качаются те-

ни от занавески. Сон не идёт, да он мне сейчас и ни к чему.

Под утро Саша прокрадывается в спальню, осторожно, чтобы не разбудить. Я ровно дышу, изображая глубокий сон, а сама сквозь ресницы слежу, как он раздевается и довольно потягивается.

Завтра мы соберём чемоданы, усадим детей в машину и вернёмся домой — счастливая семья с глянцевой открытки. И он по-прежнему будет уверен, что я ничего не знаю.

Что ж, у меня будет фора.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.